

УСТЬ-ЦИЛЕМСКАЯ ВЕЧЁРКА И «ВЕЧЁРОЧНЫЙ» ФОЛЬКЛОР (О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МЕСТНОЙ ТРАДИЦИИ)

Т.С. Канева

Изучение фольклорных традиций старообрядцев в последнее время становится всё более популярным. В этой связи одной из актуальных проблем является комплексная характеристика духовного наследия старообрядцев — письменных традиций, устно-поэтического творчества, материальной культуры. При анализе старообрядческого фольклора особое внимание заслуживают, на наш взгляд, как изучение жанрового состава и сюжетно-тематического репертуара отдельных локальных образований, так и выявление специфики функционирования конкретных жанров в традиции. Особое значение при этом приобретают межлокальные сопоставления с территориально и типологически близкими традициями.

В настоящей работе представлены некоторые результаты исследования песенно-игрового фольклора Усть-Цильмы, выполненного на основе архивных материалов и полевых записей XX в. (1). Усть-Цилемский район Республики Коми (до 1929 г. он входил в состав Архангельской губ.), который расположен в бассейне реки Печоры и ее притоков Пижмы и Цильмы, известен исследователям народной культуры как один из интереснейших уголков Русского Севера, богатый письменными и устными традициями. Заселение средней Печоры началось с 40-х годов XVI в. и было связано с промысловым освоением Севера выходцами из Новгорода, Ростова и других русских земель (2). Появление на Печоре в начале XVIII в. приверженцев старой веры и активная деятельность местных старообрядческих скитов сыграли решающую роль в формировании культурного уклада устьцилемов.

Фольклорное наследие Усть-Цильмы представлено разнообразными жанровыми формами: эпическими, лирическими, зрелищно-игровыми, обрядовыми, прозаическими, паремическими и некоторыми другими. По своему жанровому составу усть-цилемский фольклор отличается от других северно-русских традиций, прежде всего, отсутствием свадебных песен. Однако песни, известные по другим традициям как свадебные, встречаются на средней Печоре среди «посидочных» припевок. В свадебной поэзии устьцилемских старообрядцев, представленной причитаниями, актуализировалась, очевидно, только одна сторона этого «переходного» акта — сим-

волическая смерть, и величание новобрачной пары исключалось обрядом. Однако в традиции сохранилась установка на обязательное опевание жениха и невесты или супругов, которое по сути осуществлялось в сфере игровой молодёжной культуры — на осенне-зимних вечерках. В культурном укладе Усть-Цильмы они, таким образом, занимали значительное место, наряду с весенне-летними хороводами «горки», являясь основной формой календарных собраний молодёжи и выполняя важные функции в рамках свадебной обрядности.

На средней Печоре вечерки (или — как их здесь ещё называли — вечереньки, посидки) устраивались обычно со дня Покрова примерно до Масленицы. В межговежье — от святок до Великого поста — на Печоре традиционно игрались свадьбы, и в связи с этим изменялись формы обрядовой жизни молодёжи: предсвадебные календарные собрания сменялись участием молодёжи в собственно свадебных мероприятиях («девичник», «гостьбище» у жениха).

В рассказах-характеристиках информантов о календарных сроках организации вечеренечных собраний одним из определяющих параметров выступает продолжительность светового дня («Осенью тёмно как будет, тёмные вечера, так и сидеть станут» (3); «после Рождества опять сидят, до светлого времени» (4); «... день дольше будет, больше посидки сидеть не будут. ... Время посветле будет, и посидки не будут сидеть больше» (5). Из подобных сообщений следует, что начало/окончание вечеренечного сезона у печорцев соотносилось с коротким/длинным (уменьшающимся/увеличивающимся) днём, более тёмным/более светлым временем. Таким образом, на вечерки собирались в период самого тёмного годового времени, накануне и в течение происходящего в природе «солонороота», поворота зимы на лето. Этому «пороговому», «переходному» сезону соответствовал статус участников предсвадебных собраний, в рамках которых осуществлялся переход подростков в собственно молодёжную среду, а холостой молодёжи — в женатую. Эти социовозрастные категории — парни-«женихи», девушки-«невесты», то есть молодёжь брачного возраста, а также женатая молодёжь и подростки — определяют состав непосредственных участников посиделок. Кроме того, в качестве «зрителей» здесь присутствовали взрослые и пожилые люди, а также дети и подростки.

Каждой половозрастной группе на вечер-

ках предназначались свои места в избе: девушки-невесты занимали центральные места на «передней» лавке, что отвечало одной из главных функций вечерки — «смотрины» невест; девушки-подростки размещались по краям лавки; молодые замужние женщины сидели на «задней» лавке, тем самым чётко отделяясь от девушек брачного возраста; дети забирались на полаты; парни и мужчины располагались у дверей («под порогом»). Такой порядок размещения участников усть-цилемской вечерки в общих чертах характерен и для других районов, но заметно отличается своей чёткостью и устойчивостью. Основное отличие печорских посидок связано главным образом с их песенно-игровым репертуаром.

Для усть-цилемской традиции характерно достаточно чёткое пространственно-временное разделение летнего и зимнего песенно-игрового репертуара, что отразилось и в местной жанровой терминологии: в весенних (уличных) хоровах («горках») исполнялись песни «горочные», на осенне-зимних собраниях — «посидочные». Случаи исполнения одной и той же песни и на «горке», и на вечерках единичны и принадлежат, очевидно, к числу поздних явлений, связанных с разрушением традиции. Специфика же собственно «вечерочного» репертуара Усть-Цильмы состоит в частности в том, что к посидочным здесь относятся не разные по характеру исполнения песни, а близкие по функции и характеру исполнения песни-припевки. Не случайно местные наименования этих песен («посидочные» и «припевки») в данной традиции выступают как синонимы; это связано с тем, что основным видом песенно-игровой программы усть-цилемской вечерки являлось припевание.

В Усть-Цильме припевание не осложнено какими-либо хореографическими элементами, во время пения не совершалось никаких действий: девушки-певицы сидели на лавках, молодые люди находились у дверей; по окончании песни припетый парень благодарил девушек, «метал» деньги на стол. Когда завершалось припевание всех молодых людей, последние обходили девушек вокруг стола по солнцу, целуя их. В сравнении, например, с игровым поведением кокшеньгских вечерочниц при «сдавании» припевки или с рядом хореографических и драматических действий, сопровождавших исполнение «проходочных» песен-припевок на сибирских вечерках (6), припевание в Усть-Цильме выглядит «статичным», простым (если не сказать «строгим») песенным актом, включающем чётко регламентированные действия припеваемых. Такая форма исполнения основного корпуса посидочных песен, очевидно, и обусловила то важное значение, которое придавалось организации рассаживания в посиделочной избе, сравнимое с театральным, поскольку

сложившийся порядок размещения участников вечерки рассчитан на внешний эффект, зрелищность, и от него в определённой степени зависел успех «смотрины» невест.

С другой стороны, умение петь, «качество» пения (припевания) определяло иерархию мест на «передней» лавке среди девушек-невест: почётные места — между окнами («в простенке») — предназначались для девушек-запевал и тех, кто составлял основу певческого вечерочного коллектива. Остальные девушки размещались также «по голосам» «В простенок посадят, кто хорошо умеет петь, запевать. Ей посадят в простенок, против ей лампу поставят — это уж как почёт. Ну, а тут по бокам тоже ведь подбирают по голосам: кто уж поют получше, дак они тут и сядут, и всех подберут так по голосам» (7). То есть мастерство юных «песельниц» позволяло им занимать центральные, «выгодные» места, быть в числе первых, самых заметных невест. Стремлению овладеть «вечерочным» репертуаром, стать хорошей певицей и, следовательно, иметь успех на этих общественных «смотринах», очевидно, было подчинено сравнительно раннее — с 10–13 лет — вовлечение девушек-подростков в молодёжные собрания, обеспечивающее обучение пению.

Таким образом, именно исполнение «посидочных» песен организовывало всю внутреннюю структуру вечерки, определяя основное содержание игровой программы, возрастной состав, порядок размещения участниц вечера. Однако — самое главное — посредством припевания осуществлялось важнейшее игровое задание посидки — выделение и опевание пар, «переjuvenивание» молодёжи.

Репертуар «посидочных» припевок, бытовавших в разных деревнях Усть-Цилемского района (на Пижме, Цильме, Печоре), по записям разных лет в целом насчитывает 30 сюжетов. Последовательность исполнения песен на посидке была, очевидно, свободной, хотя, судя по некоторым сведениям, в конкретном коллективе мог складываться свой порядок. Выбор той или иной песни определялся конкретными адресатами припевания, тем более, что для усть-цилемских припевок характерно разделение на «женатые» и «холостые», что является специфической чертой усть-цилемской песенной культуры.

Самую многочисленную группу составляют «посидочные» песни для холостого парня и незамужней девушки или «холостые» припевки (это «Люшоньки да что во горнице», «Вдоль по бережку конь бежал», «Зашумели самовары на столе», «Распроклятая машина», «Я качу, качу спо блюдечку» и др.). К их числу также относится припевка подросткам «Сидел голубь-голубишко». Припевки, имеющие своего рода универсальный характер, т.е. исполнявшиеся как не-

женатой, так и супружеской паре, немногочисленны («Вдоль по берегу похаживала», «В саду девка, в саду она гуляла», «Летел голубь», «Розан, мой розан»). Кроме того, среди них выделяются посидочные песни, которые предназначались для молодого человека, уходящего на армейскую службу, и для девушки или молодой женщины, ожидающей жениха или мужа-солдата («Девка спо саду гуляла», «Из-под ножечок трава»). Супружеские пары припевались песнями «Во горенке, во новой», «Не во нынешнем, во прошлом во году», «На стулике, на бархате» и т.д. Несколько песен не имеют каких-либо указаний по поводу адресатов припевания.

Непосредственную связь между сюжетом и адресатом припевания определить трудно. Группа «холостых» припевок включает как песни-величания, так и невеличальные песни с мотивами соединения и разлуки пары. Подобная связь (между сюжетом песни и её предназначением) очевидна лишь в «солдатских» припевках. Некоторое сюжетное единообразие характерно также для «женатых» припевок, поскольку таковыми на Печоре являются, главным образом, свадебные величания.

В жанровом отношении усть-цилемские посидочные припевки представляют собой неоднородную группу. В качестве припевок в Усть-Цильме исполнялись свадебные величания, игровые припевки с сюжетными мотивами встречи и разлуки пары; к святочным вечёркам было приурочено припевание также и «виноградьями». В Усть-Цилямском районе зафиксировано три сюжета этих святочных величаний: «женатое» (типа «терем») — для супружеской пары, «холостое» (по сюжету — «девушка, вышивающая полотно» — «девье») — для незамужней девушки и холостого парня и «маленькое» или «детское» — для подростков, то есть «виноградья», дополняющие репертуар вечёрок от Рождества до Крещения, также соответствовали дифференциации посидочных песен по адресатам исполнения.

Разделение посидочных песен в соответствии с адресатами припевания можно расценивать, на наш взгляд, как своего рода гарантию обязательного величания каждой супружеской пары если не в пред-, то (по крайней мере) в послесвадебный период, поскольку персональное опевание не было приурочено в местной традиции к свадебному обряду.

Интересной особенностью усть-цилемского «вечёрочного» фольклора является также и то, что наряду с разнообразными сюжетными мотивами свадебного характера (встреча девицы и молодца, пирование мужа с женой, расчёсывание молодцем кудрей, подарки девушке, молодец с корабля посылает стрелу в девицу и т.д.) в числе припевок представлены песни с сюжет-

ными ситуациями разлуки (ссора, солдатство, женитьба против воли, отъезд молодца), причем четыре из них являются редкими («У нас Светлана розоньку садила», «Распроклятая машина», «Девка спо саду гуляла» (сюжет типа «женитьба против воли»), «Сидел голубь-голубишко»). «Посидочная» припевка, как можно допустить, являлась не только пожеланием возможного или знаком свершившегося брака, но и своего рода предвестием счастливой/несчастливой жизни припеваемой пары. Условное (но очевидное) выделение в «посидочном» репертуаре двух групп сюжетов — соединения и разлуки — в определенной степени соотносятся с текстами святочных подблюдных гаданий, сулящих свадьбу или девичество, здоровье/болезнь, богатство/бедность, жизнь/смерть. На молодёжной вечёрке главной была тема свадьбы/безбрачия или соединения/разлуки.

Посюжетные сопоставления усть-цилемских припевок с их разножанровыми вариантами позволили выявить ряд отличительных черт, благодаря которым можно говорить об определённой художественной специфике среднечечорских «вечёрочных» песен. Так, в отличие от «целовальных» припевок из других районов в текстах усть-цилемских песен нет так называемых «поцелуйных» формул, содержащих приглашение к поцелую или упоминание о нём. Сам же обычай завершения припевки поцелуем был на средней Печоре достаточно устойчивым. Очевидно, что он поддерживался не вербальными средствами (специальными формулами, обеспечивающими разыгрывание текста), а средствами акционального уровня (определёнными действиями, порядком их следования). Тексты усть-цилемских припевок в подавляющем большинстве являются достаточно объёмными, имеется немало примеров хорошо развитых и даже усложнённых для игровой припевки текстов. В них или соединяются две сюжетные ситуации, или основная сюжетная схема усложняется дополнительным мотивом, что не характерно для вариантов этих песенных сюжетов из других районов.

Припевание пар и их выделение в вечёрочном коллективе завершалось «игрищем», которое устраивалось непосредственно после исполнения посидочных песен. «Игрище» представляет собой парный хоровод-верчение (местн. «игрище играть», «кружаться»), при котором парень и девушка становятся лицом друг против друга, сближаясь правыми или левыми плечами, как бы на одну линию, проходящую перед каждым из них; они берутся кистью руки под локоть партнера (правой рукой под правый локоть или левой под левый) и совершают круговые движения сначала в одну, затем в другую сторону. Для кружений, зафиксированных на Печоре, более типичным является медленный темп, хотя ряд «игри-

щечных» песен исполнялся в более быстром темпе, с приплясом.

Проведение «игрищ» было приурочено не только к годовым праздничным сборам молодёжи (они могли устраиваться на осенне-зимних посиделках, на Масленичной неделе), но и к свадьбе: «игрище» было единственным и обязательным видом игрового времяпровождения молодёжи на девичнике, «гостьбище» у жениха (визит невесты с подругами к жениху после сговора) и свадебном пиру. По отношению к вечерке «игрище» в определённом смысле являлось факультативной частью, поскольку, судя по отдельным сообщениям информантов, «кружания» на посидках устраивались только в праздничные вечера. Основное содержание посидок связывается местными жителями, в первую очередь, с припеванием («Посидки назывались тогда, дак припевали девку к парню» (8); «... кончится вечерка-то дак, игрище играем» (9)). Примечательно также и то, что игрищечные песни — несмотря на их приуроченность в том числе и к вечеркам — не называются исполнителями «посидочными», как припевки.

Тем не менее, именно с исполнением «игрищечных» песен связан обычай завершения вечерних собраний в деревнях по реке Пижма: под песню «Мимо тот, мимо каменных полот» парни и девушки, держась за руки или через платок, поочередно выстраивались в цепевидный хоровод, который носил название «вожжа», причем возглавлял его парень. «Вожжой» выходили на улицу, где хоровод разделялся на пары, которые кружились по песне «Спо Дунаю спогуляю», после чего расходились по домам. Упорядоченное «сидение» во время припевания, «обход» парнями припетых девушек «по солнцу», медленные парные «кружания», заключительный общий хоровод, размыкающим пространство посидочной избы и вновь разделяющийся на пары — такова хореографическая композиция усть-цилемской (точнее, пижемской) посидки.

По своему сюжетно-тематическому составу большая часть усть-цилемских «игрищечных» песен соответствует брачной направленности этого вида собрания. Нередко в одной песне сочетаются темы, отражающие разные типы поведения молодых людей: дозволенное/недозволенное (нормативное/ненормативное) в игре-гулянии молодёжи, благополучный/неблагополучный брак, верность/измены.

Таким образом, основу традиционного песенно-игрового репертуара усть-цилемской вечерки составляли припевки и «игрищечные» песни, по которым «кружались» припетые пары. Сведения о других посидочных песенных играх очень немногочисленны и неустойчивы. Так, по единичным указаниям информантов, на вечерках иг-

рали по песням «Я горю, горю на камушке», «Дрема-та дремлет», «А мы просу сеяли»; в то же время есть сообщения об исполнении их на «горочных» гуляниях. По окончании «игрища» на посидке могли устраиваться танцы под балалайку и гармонь. Это явление, безусловно, относится к числу поздних, и самими информантами чётко отделяется от «игрища».

В целом усть-цилемская вечерка начала первой трети XX в. характеризуется достаточно высокой степенью упорядоченности в организации, чёткостью функционирования песенно-игрового репертуара. В рамках посиделки устойчиво сохраняются ритуально-этикетные формы общения: весь «текст» вечерки пронизан формулами-просьбами на разрешение (позволение) отдельных поэтапных мероприятий собрания, это и откуп избы («Спустите сидеть вечерку»), и поцелуи после припевания («Разрешите кругом стол обойти»), и устройство хороводов и танцев. Бытование молодёжных посидок в Усть-Цильме определялось общими для данной традиции установками, сложившимися не без влияния старообрядческой идеологии. Это нашло свое выражение в соблюдении обрядности предсвадебных собраний, ограничении подвижных игр, чёткой регламентации игровых действий при исполнении «посидочных» песен.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Источниками исследования послужили материалы трёх фольклорных архивов, сосредоточивших основной корпус записей из Усть-Цилемского района: Рукописный отдел сектора фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (записи 1929 и 1955 гг.), фольклорные архивы кафедры фольклора Московского университета (записи 1978 и 1980 гг.) и Проблемной научно-исследовательской лаборатории фольклорно-археографических исследований (ПНИЛ ФАИ) Сыктывкарского университета (записи 1986—1990 гг.).
2. См. об этом: Дневник В.Н.Латкина во время путешествия на Печору в 1840, 1843 гг. // Записки ИРГО. 1853. Кн.7. Ч.1. С.1—154; Ч.2. С.1—143; Чеснокова Н.Н. Государственное освоение северного Припечорья в кон. XV—XVI вв. // Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР: Тезисы. Ч.2. Вологда, 1989. С.119—120; подробнее библиографию см.: Канева Т.С. Усть-Цилемский церковный летописец: реконструкция текста и комментарии // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1997. С.26.
3. Фольклорный архив ПНИЛ ФАИ СыктГУ, Усть-Цилемское собрание (далее — ФА СГУ), 0387-32: январь 1989 г., Пижемский с/с, д.Лёв-

кинская, Михеева Л.А. (г.р. при записи не указан).

4. ФА СГУ 0369—38: июль 1988 г., Новоборский с/с, с.Н.Бор, Дуркина А.Т. 1918 г.р., урож. д.Гавриловка.

5. ФА СГУ 0399—45: июль 1989 г., с.Усть-Цильма, Поздеева А.Г. 1906 г.р.

6. См. об этом: Едемский М.Б. Припевки в Кокшеньге Тотемского уезда // Живая старина. 1909. Вып.1; Старовойтов А. Жанровая специфика игровых «проходочных» песен // Фольклор и литература Урала. Пермь, 1971. С.29—31; Новосёлова Н.А. Жанровое своеобразие сибирской про-

ходочной припевки // Сибирский фольклор. Новосибирск, 1980. С.69—83; Она же. Роль вечёрок и вечерочных песен в народном быту и культуре XIX—нач.XX вв. // Полифункциональность фольклора. Новосибирск, 1983. С.128—145.

7. ФА СГУ 0367—5: июль 1989 г., Новоборский с/с, с.Новый Бор, Кислякова С.С. 1918 г.р., урож. д.Абрамовская.

8. ФА СГУ 0398—1: г.Нарьян-Мар, Торопова М.П. 1910 г.р., урож. д.Абрамовка (Усть-Цилемского р-на).

9. ФА СГУ 03100—39: июль 1989 г., с.Усть-Цильма, Талеева П.Г. 1910 г.р., урож. д.Уег.

